

УДК 003

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ КАК ОБРАЗЕЦ ВЛАСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Мария Голованивская

RED SQUARE AS A SAMPLE OF POWER COMMUNICATION

Maria Golovanivskaya

The article is devoted to the semiotic analysis of Red Square in Moscow and illustrates the linguistic approach to the description of the territory. Such tasks are extremely relevant both for cultural studies and for all sciences that provide urban solutions (from the philosophy of urban environment to the ideology of town planning), as these approaches help to understand what is to be and what is not to be included in the urban environment. The aim of the research is to show and substantiate the linguistic approach to this problem, to propose its broad application. The material under study is historical maps of Red Square, as well as historical descriptions of the structures erected on it. As a result of the analysis we have made a complete semantic description of the given object: its meaning has been reconstructed in such a way that all the structures on Red Square have formed into a single text. Such a study has been undertaken for the first time. It continues the expansion of linguistic methods used to analyze a territory - this is what the author has devoted herself to in recent years, her articles designating a new field of research called "the syntax of the territory".

The method of analyzing the semantics of urban environment elements, in this case of squares, is applicable to any other of its objects. Thus, it is possible to describe stations and airports, parks and pedestrian streets, bridges and residential areas in terms of explicit and implicit semantics.

Keywords: semantics; linguistics; square; history; meaning; elements of meaning; configuration; city; power.

Статья посвящена семиотическому анализу Красной площади в Москве и иллюстрирует лингвистический подход к описанию территории. Такого рода задачи крайне актуальны как для культурологии, так и для всех наук, обеспечивающих градостроительные решения (от философии городской среды до идеологии градостроительства); примененные подходы помогают понять, что включать в городскую среду, а что нет. Цель исследования – показать, обосновать лингвистический подход к данной проблеме, предложить широкое его применение. Материалом исследования явились исторические карты Красной площади, а также исторические описания возводимых на ней сооружений. В результате предпринятого анализа нами получено полное семантическое описание заданного объекта: реконструирован его смысл так, как будто все находящиеся на Красной площади сооружения сложились в единый текст. Подобное исследование предпринято впервые. Оно является продолжением расширения использования лингвистических методов для анализа территории – именно этому автор посвятил себя в последние годы, обозначив своими статьями новую область исследования, которая была названа «синтаксис территории».

Метод анализа семантики элементов городской среды, в данном случае площадей, применим к любым другим ее объектам. Так, с точки зрения явной и скрытой семантики можно описать вокзалы и аэропорты, парки и пешеходные улицы, мосты, спальные районы.

Ключевые слова: семантика; лингвистика; площадь; история; смысл; смысловые элементы; конфигурация; город; власть.

Для нас центральная столичная площадь – это место встречи власти и народа, место властной коммуникации. Эта функция закреплена за центральной столичной площадью и неоспоримо входит в ее определение. Зафиксируем: центральная столичная площадь (далее – ЦСП) – это коммуникационный канал, со всем, что его характеризует. Поднимаясь на Мавзолей на Красной площади, Президент России присоединяет к

своим словам тот смысл, который генерирует Мавзолей. Принося инаугурационную присягу на площади Капитолия, президент США присоединяет к своим словам смысл, который генерирует площадь и ее объекты.

Особенность власти, как генератора коммуникации, в том, что она мыслит себя как субъект истории, нередко чувствуя свою силу и по отношению к ней. Власть говорит не только словами,

она говорит всем, что веками ассоциировано с ней: дворцами, памятниками, центральными улицами, названиями улиц.

История городов, их типология, типы планировок (круговые и квадратно-гнездовые), как и история и типология различных площадей, неплохо изучены и описаны. Наиболее ценной в рамочном отношении для нас явилась работа Макса Вебера «Город» [Вебер], наиболее полной по обобщению и обзору может считаться книга Елены Трубиной «Город в теории» [Трубина]. Классификация столиц по различному набору критериев представлена в работе С. А. Тархова «Столицы» [Тархов]. Исследователи также обращали свое внимание на феномен главной улицы города [Боженкова].

Некоторые исследователи площадей уже отмечали, что, помимо других функций, у площади как таковой есть и функция общения [Невзоров, с. 12]. Но они имели в виду общение, прежде всего, межличностное, эквивалентное тому, что происходит на интернет-форумах. Форум, куда не приходит для общения власть, – просто среда общения без проявленного адресанта; площадь, куда приходит для передачи посланий власть, – ее коммуникационный канал. Помещение центральной площади в контекст коммуникационного акта и придание ей статуса осемантизированного коммуникационного канала – новый опыт, идущий от членения ее (как коммуникационного акта) на (целеполагающий) адресант, сообщение, адресат, контекст, канал, код [Там же].

Метод

Суть предлагаемой процедуры – распространение метода лингвистического анализа на территорию, на такой социокультурный феномен, как ЦСП. Лингвистический метод тут будет использован и в подходе, и в процедуре, в основном мы будем использовать подходы компонентного анализа, принятого в семантике. С этой точки зрения центральная площадь может пониматься как зафиксированное постоянное место коммуникации власти и народа, имеющее соответствующий статус, регламент и состоящее из значимых для этой коммуникации частей, представленных архитектурными элементами, выражающими некоторый актуальный с точки зрения властной коммуникации смысл.

Площадь как канал, нагруженный смыслом, может быть прочитана как знак, имеющий, как и положено, означаемое и означающее. Власть часто «редактирует» ЦСП: сносит, достраивает или модифицирует при помощи информационных кампаний смысл находящихся на ней объектов. ЦСП, как и столица (тоже при расширении могущая трактоваться как центральное место,

центр), могут переназначаться, если власть хочет обнулить канал с его смысловой нагрузкой, использованный другой властью до неё. Сменить столицу, сменить ЦСП – значит иначе опосредоваться, сменить властный контекст. Ведь, как убедительно показывает Н. Г. Щербинина, и сам город может рассматриваться как символический конструкт [Щербинина]. Примеров радикальных смен места центра именно в коммуникативных целях немало. Из недавних – перевод столицы Казахстана из Алматы в Астану [Махмутов] или перенос маркировки «центральная» с площади Согласия на площадь Шарля де Голля (площадь Звезды).

Смысл объекта

Смысл объекта задаёт власть через официальные каналы коммуникации, учебники истории, буклеты, подготовку аккредитованных гидов, песни и т. д. Смысл этот образуется по законам массовой культуры: он огрубляется, история упрощается, визуальный компонент выходит на первое место. Параллельно существуют городские легенды, мифы, которые либо берутся в оборот, либо оспариваются. Власть, будучи более просвещённой, чем народ, находит способы переформулирования и / или смещения акцентов. Пример Мавзолея на Красной площади тут во многих отношениях показателен (об это см. далее).

Одновременно с признанием ЦСП важнейшим каналом державной риторики мы полагаем ее, как уже говорилось, одним из типов властных высказываний, и в этом смысле она включена в один ряд с Конституцией, флагом, гимном, изображениями на деньгах, линейкой общегосударственных праздников (какие-то праздники предыдущей власти отменяются, какие-то добавляются, и это также имеет богатую смысловую нагрузку) и т. д. Само по себе назначение «главной» имеет, как правило, институциональные последствия (то же самое справедливо и в отношении флага, гимна, конституции как сакрализованного предмета). ЦСП нередко переподчиняется – уходит из городской юрисдикции в общегосударственную (как, например, Красная площадь), входит в протоколы президентской инаугурации (почти все главные столичные площади имеют этот элемент в инаугурационной процедуре). Именно на ней и только на ней проходят мероприятия, на которых власть и народ совместно совершают некие знаковые ритуалы. Все это закреплено в регламентах и имеет законную силу.

Власть как адресант

Власть как адресант имеет свои чёткие характеристики. Литература по этому вопросу

многочисленна и относится к таким областям научного знания, как философия, история, антропология, культурология, политология (см.: [Гоббс], [Луман], [Фрезер], [Пропп], [Леви-Стросс], [Фуко]). Исторически власть мыслит себя сакральной и произошедшей через сакральность, она мыслит себя посредником между небом (высшим) и землёй (миром людей), и то место, куда она приходит для встречи с народом, также сакрализуется через ее постоянное возвращение туда. Отсюда происходит регламент, принятый на ЦСП, он касается формы одежды, норм поведения, запретов на некоторые проявления и т. д. (именно с этой системой запретов и любит «работать» современное искусство в ЦСП, эксплуатируя очевидные смыслы, генерируемые объектами, находящимися на площади в своих целях). Но ЦСП – это не только сакральное пространство, но и пространство низовое, поскольку на него приходят простые смертные. Это принципиально важный цивилизационный феномен, соединяющий в себе противоположности, именно особая зона, куда снисходит власть и восходит народ. Адресант коммуницирует через этот канал – ЦСП, но, как и положено, с учётом профиля адресанта, с учётом его особенностей (которые обычно определяются через приверженность к хлебу и зрелищам, что не всегда так). Исполняя принародно архаичные ритуалы: командование военными парадными (высокая архаика таится в общепризнанном правиле, что глава государства должен возглавлять все вооружённые силы, несмотря на то, что он, возможно, никогда не соприкасался с этой областью действия), присяга с рукой на книге (Конституции, например), новогоднее обращение и так далее – власть подтверждает своё право, иррациональное, ощущаемое как таковое, быть субъектом истории, диктовать правила и условия, применять силу. Все, что находится на площади и составляет содержательную сторону канала коммуникации, работает как клей между властью, ее ситуативной коммуникацией, и народом, указывая на источник силы власти, источник веры (доверия) народа, высвобождаемый народом потенциал, который власть может использовать для выживания и процветания.

Адресат властного высказывания, канал и формат

Адресатом коммуникации является народ в широком смысле этого слова. Важно помнить, что само представление о народе существенно менялось от эпохи к эпохе, современное представление о народе как движущей силе истории, легитимизирующей власть, появилось относительно недавно (с марксистским учением об ис-

тории). Однако практика плебисцитов – римская, и такое назначение ЦСП (как и их соответствующее название) известно давно.

Качество адресата в случае центральной столичной площади в корне отличается от совокупности людей, пришедших на привокзальную или торговую площадь. И адресант, и адресат знают, в какой коммуникационной линейке они в данном случае состоят. На ЦСП народ, человек представлены в самом обобщённом виде, как в храме. Привокзальная площадь заполняется приезжающими, отбывающими, носильщиками, таксистами, встречающими и т. д. То есть людьми, имеющими частную, локализованную характеристику. Установка адресата, его ожидания – часть ситуации общения, своеобразного договора, крайне важного для успешности коммуникационного акта. ЦСП может де-факто, а не только де-юре считаться главной только в том случае, если этот договор есть. При этом важно, что приходящий на площадь народ, среднестатистический гражданин или иностранец, маркирующийся именно через это своё обобщённое свойство, – отнюдь не эксперт в архитектуре и не знаток истории. Как правило, люди «слышали звон», и не более. Информацию об элементах центральной площади они черпают из семейных рассказов, учебников, художественных фильмов, городских мифов, табличек на зданиях (где помещается не более нескольких фраз), иностранцы, как правило, – из путеводителей. Так, Лобное место, многократно показанное в фильмах именно как место казни, как таковое и воспринимается, несмотря на историческую правду о том, что казнены тут были немногие.

Каналом коммуникации служит городская среда, форматом – площадь. Это своеобразное четырёхмерное пространство, имеющее установленные границы, особенности которого таковы: это строго регламентируемый властью канал (через правила доступа, время работы, усиленно охраняемый именно в силу того, что любое действие, произведённое на центральной столичной площади, мгновенно образует символический смысл и становится коммуникацией).

Применим вышесказанное к анализу конкретного примера, а именно Красной площади

Обратимся к анализу Красной площади в Москве. Оставив в стороне множество исторических деталей, мы можем констатировать, что Москва была столицей России с 1389 по 1712 год и с 1918 года по настоящее время. Все это время без изменения Красная площадь была главной столичной площадью. Отчасти площадь, как и Московский Кремль, сохраняли своё значение в период, когда столица находилась в Санкт-

Петербурге: русские цари венчались на царство и короновались по-прежнему в Успенском соборе Кремля и попадали они туда через Спасские ворота (Спасскую башню) – главные сакральные ворота и Российской империи, и сегодняшней России [Сакрализация власти в истории цивилизаций], соединявшие своим шпилем небо и землю. Символика и разработанность этого символа обширна и хорошо описана [Андреева, Куклев, Ровнер]. Именно через Спасскую башню въезжают кортежи сегодняшних президентов на инаугурацию, именно часы (куранты) на Спасской башне отмеряют время страны, являясь эталоном московского времени. Сам вид этой башни с курантами известен всему миру и символизирует российскую верховную власть. Очевидно, что этот элемент смысла Красной площади остался неизменным с XV века и устанавливает знак равенства между принципиально сакральным пониманием власти прошлого и настоящего. Это скипетр, символ власти. Эпоха большевиков и советского государства не нарушает этой традиции, Мавзолей находится у Спасской башни (каноническое фото – вид сбоку, Мавзолей на фоне Храма Василия Блаженного и Спасской башни), да и некрополь начинается именно около неё. В. И. Ленин и его преемники никак не отрицали главного посыла башни, ставящей знак равенства между историей, временем и властью.

Но многое здесь редактировалось активно. Во-первых, доступ в башню, как и в Кремль, был закрыт вплоть до конца 1950-х годов. Н. С. Хрущёв особенно гордился тем, что открыл Кремль и Красную площадь для свободного посещения. Власть закрывала (при Сталине) и открывала (при Хрущёве) ГУМ, власть построила Мавзолей, в котором сначала покоился только В. И. Ленин, затем В. И. Ленин и И. В. Сталин, затем опять только В. И. Ленин.

Также власть двигала памятник Минину и Пожарскому, мешавший парадом. Легенда гласит, что едва не был снесён Храм Василия Блаженного (из воспоминаний П. Д. Барановского мы знаем о намерениях кремлёвской власти снести храм).

Сегодня из канала стёрты память об Октябрьской революции, о Сталине, осталась проблематизированная память о Ленине, но проблематизация тут чуть ли не важнее наличия самой мумии.

ГУМ – это именно главный магазин страны, важный смысловой акцент: торговля – вот, что любит народ, тут же поблизости и Охотный ряд, и Китай-город – такова Москва, таково гнездо российской власти. Иначе говоря, власть в главной своей коммуникации далеко от магазина не

отходит (Сталин – из опасений покушения ГУМ закрыл, что мгновенно исправил Н. С. Хрущёв, желая быть самым народным генсеком в истории СССР). Народ любит, хочет иметь магазин, покупать, торговать – это его качество власть тогда уважила и уважает по сей день. Отсюда можно сделать выводы об особенном статусе магазина в московской ментальности и причинах частого апеллирования к прилавкам власти, о роли этого конструкта в современном российском повседневном мифе.

Крайне важна для Красной площади и символика нулевого километра – родового нутра. Сюда сходятся все дороги, тут центр радиальной планировки города и тут – главный магазин, рядом с Лобным местом и напротив Мавзолея. Известная приверженность россиян беспорядку-хаосу может иметь и культурное обоснование, тянущее русскую ментальность к восточным корням¹. «Символизм центра приобретает универсалистский характер вне привязки к географически выверенному месту. К примеру, под центром на Руси понимали и Святую Землю, откуда вытекало самоназвание „Русь святая“, и город небесный Иерусалим (российскую христианскую столицу могли номинировать Новым Иерусалимом)» [Щербинина, с. 12].

Симметричным по отношению к этой идее центра выступает Лобное место – место казни и оглашения царских указов. Вероятность казни, расправы как смысл отчётливо примешивается к властной риторике: в блогах нередко оживляется полемика относительно Лобного места: «Кто-то даже требует убрать его вместе с мавзолеем Ленина и кладбищем у кремлёвской стены» [Шепелин].

Тема смерти генерируется здесь (напомним – для массовой коммуникации) трижды: Лобное место, Мавзолей, некрополь у Кремлёвской стены. В народе Мавзолей нередко трактуется как азиатчина, хотя известен и более квалифицированный взгляд, связывающий Мавзолей с египетскими и вавилонскими традициями. Наличие такого символа во властной коммуникации извечно

¹ «Вся имперская культура – воплощенное ян – противостоит символической „изначальной кома“. Она призвана разделять и „раздавать имена“, и почти параноидальная тяга китайских древних мудрецов и современных политиков к упорядочиванию и созданию четких ценностных иерархий есть не более чем попытка воплотить принцип превалярирования ян над инь. Одновременно это и принцип светской культуры – здесь ян главенствует над инь, в то время как в мистической парадигме инь является единственно возможным исходом противостояния и взаимодополнения инь и ян» [Маслов, с. 24].

Таблица 1.

давало основание делить общество на тех, кто вместе с одной головой орла смотрит на Запад, и тех, кто вместе со второй его головой смотрит на Восток. Но при всех полемиках, восхвалениях щусевской архитектуры и, в особенности, саркофага, идущих в просвещённой среде, Мавзолее однозначно воспринимается как связанный со смертью и с не-Европой символ [Абрамов], составляющий очень типичные для русского сознания пары Лобному месту: власть – народ, верх – низ, Запад – Восток.

Знаковым на Красной площади является памятник князю Минину и гражданину Пожарскому, за последние сто лет уходивший на периферию властной коммуникации (его даже двигали при Сталине, чтобы не мешал парадом) и вновь возвращавшийся в самый ее центр. Вот что вспоминает И. В. Сталин о своих беседах с Эйзенштейном относительно его фильма «Александр Невский»: «Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к Храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ я назвал его Иваном, не помнящим родства. Историю мы выбрасывать не можем...» (цит. по: [Громов, с. 549]). Сегодня смысл, генерирующийся этим памятником, без сомнения, центральный в коммуникации власти – это спасение отечества от распада, мобилизация русского человека на краю пропасти.

Важным образом державной визуальной коммуникации на Красной площади является Храм Василия Блаженного (иностранные корреспонденты, как правило, ведут свои репортажи именно из этой точки). Актуальные ассоциации, вызываемые этим памятником, могут быть обобщены так: сила юродства на Руси по отношению к власти [Иванов] (широко известно, что самый страшный русский царь, Иван Грозный, ходил к Василию Блаженному за советом). И второй компонент смысла: за чудесные умения на Руси – погибель от власти.

Выводы

Вот так может быть представлен список означаемых / означающих, которые были зафиксированы нами при описании Красной площади (табл.1). В левом столбце – элемент площади, в правом – символическое значение выявленных элементов.

Красная площадь.

Означающее	Означаемое ²
Эшафот	кара, смерть, назначенная властью
Башня	связь с небом, защита, надзор
Колонна	империя, прошлое, история, вертикаль власти
арка, ворота	империя, сила, история, вход в историю и современность
стена	защита, непреодолимая преграда, охрана, отделение власти
некрополь	память, вечность (вневременность), каталог значимых персон / событий
мумия	сакральное тело, бессмертие, почеть
статуя героя (героев), памятник герою	память, выставление образца для подражания
храм	связь с небом, торжество титульной религии
памятник	обозначение эталонного события
центр	начало, исток
перекрёсток	разнонаправленное движение, коммуникация
въезд	начало, точка доступа, средостение
театр, досуговые площадки	развлечение
музей исторический	история, репрезентация официальной истории
музей искусств	репрезентация официальной культуры
огонь	воинство, мужской символ, очищение, вечная память, бессмертие
вода	женский символ, чистота, отдых, нега
часы	эталонное время
парк, сад	культура в античном понимании, досуг, свобода
магазин	торговля, бренд, деньги
инаугурация	легитимизация власти
военный парад, присяга	сила, защита, смотр
демонстрация-поддержка	проявление лояльности народа к власти, смотр народа
демонстрация-	отрицание власти, отдельных

² Расширенные символические трактовки есть, к примеру, здесь: [Телицын, Орлов, Багдасарян], [Иконников], [Маковский].

протест	действий / институтов
властные речи, высказывания	базовая коммуникация власти и народа
официальные торжества, театральные представления	единение власти и народа в радости
концерт	профанный досуг, десакрализация
каток, гуляния и др. национальные формы праздничного досуга	национальная досуговая идентичность
ритуальное дерево на Рождество, ель	магия, обновление, вечность, надежда

Отметим, что по такому шаблону может быть эксплицирована любая центральная площадь мира, что позволит нам выявить особенности региональной властной коммуникации.

Список литературы

- Абрамов А. С. Правда и вымыслы о кремлёвском некрополе и Мавзолее. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. 320 с.
- Андреева В. А., Куклев В., Ровнер А. Б. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. М.: Миф, 2008. 560 с.
- Боженкова С. Феномен главной улицы города: Тверская улица и Невский проспект. URL: http://www.researcher.ru/practice/issl_work/sh1553/kurs2001/kurs_2001-2-02.html (дата обращения: 01.04.2018)
- Вебер М. Город. Петроград: Наука и школа, 1923. 240 с.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного или гражданского / Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т.2. 650 с.
- Громов Е. С. Сталин: искусство и власть. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
- Иванов С. А. Византийское юродство. М.: Международные отношения, 1994. 234 с.
- Иконников А. В. Художественный язык архитектуры. М.: «Наука», 1985. 175 с.
- Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. М.: Академический проект, 2008. 520 с.
- Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь символики в индоевропейских языках. М.: «Наука», 2006. 416 с.
- Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейа: Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. 480 с.
- Махмутов З. История татар Астаны (XIX – начало XXI в.). Казань: Татарское книжное издательство, 2017. 223 с.

Невзоров А. Ю. Московские площади конца XX – начала XXI веков: взаимосвязь функций и пространства: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2007. 25 с.

Пропн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.

Сакрализация власти в истории цивилизаций / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, Л.А. Андреева, А.В. Коротаев. М.: ЦЦРИ РАН, 2005. 447 с.

Тархов С. А. Столицы // Журнал География. 2007. №3. С. 45–58.

Телицын В. Л., Орлов И. Б., Багдасарян В. Энциклопедия: Символы, знаки, эмблемы. М.: Локид, 2003. 495 с.

Трубина Е. В. Город в теории. М.: НЛЮ, 2013. 520 с.

Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ, 2010. 767 с.

Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Щербинина Н. Г. Образ города как символический конструкт // Вестник Томского государственного университета. №3 (15). 2011. С. 41–52.

Шепилин П. Неравная борьба за здравый смысл. Мем о лобном месте. URL: <https://pavelshipilin.livejournal.com/tag/лобное%20место> (дата обращения: 12.10.17)

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 143–158.

References

- Abramov, A. S. (2005). *Pravda i vymysly o kremlevskom nekropole i Mavzolee* [Truth and Fiction about the Kremlin Necropolis and Mausoleum]. 320 p. Moscow, Eksmo, Algoritm. (In Russian)
- Andreeva, V. A., Kuklev, V., Rovner, A. B. (2008). *Entsiklopedia. Simvoly, znaki, emblemy* [Encyclopedia. Symbols, Signs, Emblems]. 560 p. Moscow, Mif. (In Russian)
- Bozhenkova, S. *Fenomen glavnoi ulitsy goroda: Tverskaia ulitsa i Nevskii prospect* [The Phenomenon of the Main Street in a City: Tverskaya Street and Nevsky Prospect]. URL: http://www.researcher.ru/practice/issl_work/sh1553/kurs2001/kurs_2001-2-02.html (accessed: 01.04.2018). (In Russian)
- Frezer, Dzh. (2010). *Zolotaia vetv'* [The Golden Branch]. 767 p. Moscow, AST. (In Russian)
- Foucault, M. (1996). *Volia k istine: po storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Sexuality, Power, and Knowledge]. Raboty raznykh let. 448 p. Moscow, Kastal'. (In Russian)
- Gobbs, T. (1991). *Leviafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo ili grazhdanskogo* [Leviathan or Matter, the Form and Power of an Ecclesiastic or Civil State]. In 2 vol. Vol. 2, 650 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)
- Gromov, E. S. (2003). *Stalin: iskusstvo i vlast'* [Stalin: Art and Power]. 544 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

- Ivanov, S. A. (1994). *Vizantiiskoe iurodstvo* [Byzantine Holy-foolishness]. 234 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)
- Ikonnikov, A. V. (1985). *Khudozhestvennyi iazyk arkitektury* [Artistic Language of Architecture]. 175 p. Moscow, "Nauka". (In Russian)
- Levi-Stross, K. (2008). *Totemizm segodnia* [Totemism Today]. 520 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)
- Luman, N. (2001). *Vlast'* [Power]. 256 p. Moscow, Praksis. (In Russian)
- Makovskii, M. M. (2006). *Sravnitel'nyi slovar' simvoliki v indoevropskikh iazykakh* [Comparative Dictionary of Symbolics in Indo-European Languages]. 416 p. Moscow, "Nauka". (In Russian)
- Maslov, A. A. (2006). *Kitai: ukroshchenie drakonov. Dukhovnye poiski i sakral'nyi ekstaz* [China: Taming of Dragons. Spiritual Searches and Sacral Ecstasy]. 480 p. Moscow, Aleteia: Kul'turnyi tsentr "Novyi Akropol". (In Russian)
- Makhmutov, Z. (2017). *Istoriia tatar Astany (XIX – nachalo XXI v.)* [The History of Astana Tatars (the 19th – early 21st centuries)]. 223 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Nezvorov, A. Yu. (2007). *Moskovskie ploshchadi konisa XX – nachala XXI vekov: vzaimosviaz' funktsii i prostranstva: avtoref. dis...kand. arkitektury* [Moscow Squares of the 20th – Early 21st Centuries: Interrelation of Function and Space: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan, 25 p. (In Russian)
- Propp, V. Ya. (2002). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Sources of a Fairy Tale]. 336 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
- Sakralizatsiia vlasti v istorii tsivilizatsii* (2005) [Sacralization of Power in the History of Civilization]. Editors: D. M. Bondarenko, L. A. Andreeva, A. V. Korataev. 447 p. Moscow, TsTsRI RAN. (In Russian)
- Shepilin, P. *Neravnaia borba za zdravyy smysl. Mem o lobnom meste* [An Unequal Struggle for Common Sense. A Mem of Lobnoye Mesto (Place of Skulls)]. URL: <https://pavel-shipilin.livejournal.com/tag/лобное%20место> (accessed: 12.10.17). (In Russian)
- Shcherbinina, N. G. (2011). *Obraz goroda kak simbolicheskii konstrukt* [The Image of the City as a Symbolic Construction]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 3 (15), pp. 41–52. (In Russian)
- Tarkhov, S. A. (2007). *Stolitsy* [Capital Cities]. Geography Review, No. 3, pp. 45–58. (In Russian)
- Telitsyn, V. L., Orlov, I. B., Bagdasaryan, V. (2003). *Entsiklopediia: Simvol, znaki, emblemy* [Encyclopedia: Symbols, Signs, and Emblems]. 495 p. Moscow, Lokid. (In Russian)
- Trubina, E. V. (2013). *Gorod v teorii* [A City in Theory]. 520 p. Moscow, NLO. (In Russian)
- Veber, M. (1923). *Gorod* [The City]. 240 p. Petrograd, Nauka i shkola. (In Russian)
- Yakobson, R. (1975). *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Strukturalizm "za" i "protiv". Pp. 143–158. Moscow, Progress. (In Russian)

The article was submitted on 26.06.2018
Поступила в редакцию 26.06.2018

Голованивская Мария Константиновна,
доктор филологических наук,
профессор,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
golovanivskaya@gmail.com

Golovanivskaya Maria Konstantinovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
golovanivskaya@gmail.com